

Berger, Olga

Члены предложения

In: Berger, Olga. *Синтаксические термины в русском и чешском языках : сопоставительный аспект (на материале выбранных терминов)*. Izdanije prvoje Brno: Masaryk University Press, 2021, pp. 78-120

ISBN 978-80-210-9807-7; ISBN 978-80-210-9808-4 (online ; pdf)

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/143736>

Access Date: 02. 12. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

4 ЧЛЕНЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Для описания членов предложения в качестве основных источников мы использовали следующие: *Грамматика русского языка* 2 тт. (Под ред. В. В. Виноградова, Е. С. Истриной, 1954). Москва: Издательство Академии наук СССР, 1954.

ЛЕКАНТ, П. А. – КЛОБУКОВ, Е. В. – МАРКЕЛОВА, Т. В. – МОНИНА, Т. С. – САМСОНОВ, Н. Б.: *Современный русский язык*. Учебное пособие для студентов учреждений среднего профессионального образования педагогического профиля. Под редакцией П. А. Леканта. Москва: Дрофа, 2001

GREPL, M., KARLÍK, P.: *Skladba spisovné češtiny*. Praha: SPN, 1986

KOPEČNÝ, F.: *Základy české skladby*. Praha: SPN, 1962

KUBÍK, M. a kol.: *Russkij sintaksis v сопоставлении с чешским*. Praha: SPN, 1982.

FLÍDROVÁ, H., ŽAŽA, S.: *Синтаксис русского языка в сопоставлении с чешским*. Olo-
моус, 2005

В качестве дополнительных источников нами привлекались:

СВЕТЛИК, Я.: *Синтаксис русского языка в сопоставлении с словацким*. Bratislava: SPN, 1970

BARNETOVÁ, V. – BĚLIČOVÁ-KŘÍŽKOVÁ, H. – LEŠKA, O. – SKOUMALOVÁ, Z. – STRAKOVÁ, V.: *Русская грамматика 1, 2*. Praha. 1979

DANEŠ, F. – HLAVSA, Z. – GREPL, M.: *Mluvnice češtiny 3 – Skladba*. Praha: Academia, 1987.

MRÁZEK, R.: *Проблема сказуемого и его классификации (на материале русского и чешского языков)*. Sborník prací Filozofické fakulty brněnské univerzity. A, Řada jazykovědná. 1958, vol. 7, iss. A6, s. [10]-34

MRÁZEK, R.: *Синтаксические отношения и члены предложения*. Sborník prací Filozofické fakulty brněnské univerzity. A, Řada jazykovědná. 1961, vol. 10, iss. A9, s. [47]-60

4.1 Член предложения

Непременной составляющей классического синтаксиса была теория членов предложения. Первоначально выделялись так называемые главные члены предложения – подлежащее и сказуемое. Идея расчлененности предложения унаследована еще из античности, именно там возникают зачатки понятия предикативности. Выделение подлежащего и сказуемого указывает на тесную связь логики и синтаксиса, сами термины *субъект* и *предикат* изначально были терминами логики.

Термины *подлежащее* и *сказуемое* возникли как кальки латинских *subjectum* и *praedicatum*, в русский научный обиход термины ввел А. А. Барсов, причем он указывал их латинский эквивалент. Именно в грамматике А. А. Барсова представлена первая классификация подлежащего и сказуемого: он вводит в употребление термины *простое подлежащее*, *сложное подлежащее*, *грамматическое подлежащее*, *логическое подлежащее*, *простое сказуемое*, *сложное сказуемое*, *грамматическое сказуемое*, *логическое сказуемое*, *связь*, *связка*. Интересно, что практически все языковеды того времени (А. А. Барсов, Н. Ф. Кошанский, Н. И. Греч) следовали общепринятому делению логического суждения на три части, поэтому и в предложении выделяли три главных члена – *подлежащее*, *сказуемое*, *связка*. Позднее в грамматиках начинают выделяться второстепенные члены. Второстепенные члены предложения (в терминологии лингвистов XVIII-XIX веков *части предложения*) разрабатываются в грамматиках Н. И. Греча и А. Х. Востокова. Для этого создаются термины *дополнение*, *дополнительные слова*, *определение*, *определятельные слова*. Члены предложения, которые в современной грамматике рассматриваются как обстоятельства, включались ими в разряд определений. Разработку теории второстепенных членов предложения продолжил Ф. И. Буслаев, классифицировавший их по типу подчинения и по значению.

С развитием синтаксической науки теория членов предложения претерпела существенные изменения. А. А. Потенция заложил основы понятия морфологизированных членов предложения, т. е. классификация второстепенных членов предложения опиралась на морфологический критерий: дополнение выражается именем существительным в косвенном падеже, определение – именем прилагательным (также местоименным прилагательным, порядковым числительным, причастием), обстоятельство – наречием.

В первых изданиях *Русского синтаксиса в научном освещении* А. М. Пешковский еще пользуется терминами *определение*, *дополнение*, *обстоятельство*, вкладывая в них формальное содержание: определение – это согласуемое прилагательное, причастие, местоимение; дополнение – это управляемое

существительное; обстоятельство – это примыкающее наречие, деепричастие или примыкающий инфинитив. В позднейших изданиях (с 1928 г.) А. М. Пешковский отказывается и от терминов *определение, дополнение, обстоятельство*, используя термины *согласуемые, управляемые, примыкающие члены предложения*.

В современной литературе отмечается нечеткость, разнородность классификаций членов предложения. На протяжении XX века теория членов предложения разрабатывалась разными учеными, в результате количество вопросов, не имеющих однозначного решения, только увеличилось. Даже понятие *член предложения* трактуется неоднозначно, в некоторых грамматиках и учебных пособиях, несмотря на описание отдельных членов предложения, отсутствует дефиниция родового понятия *член предложения*.

В *Словаре лингвистических терминов* О. С. Ахмановой *член предложения* определяется так: «наиболее типичные соединения данной синтаксической связи и данного содержания синтаксических отношений как наиболее регулярно и закономерно воспроизводимые в различных (разнообразных) высказываниях. (...) Подлежащее и сказуемое как объединяемые предикативной связью и противопоставляемые второстепенным членам» (Achmanova, 2004).

В *ЛЭС* это понятие определяется иначе: «структурно семантические компоненты предложения, выраженные полными словами или словосочетаниями. Термин член предложения возник из-за отсутствия однозначного соответствия между морфологическими классами или подклассами слов и выполняемыми ими в предложении синтаксическими функциями. Система членов предложения сложилась в результате последовательного членения простого повествовательного предложения, взятого в его максимально развернутой и связной форме, на функциональные элементы. Различаются главные члены предложения *подлежащее* и *сказуемое*, и второстепенные – *определение, дополнение и обстоятельства*» (LES).

В *NESČ* член предложения (*větný člen*) трактуется достаточно лаконично: *Je to syntakticky relevantní element větné struktury, ke kterému se dospívá na základě syntaktické analýzy»* (NESČ).

В. Словак (2017) блестяще анализирует признаки, положенные в основу выделения членов предложения.

Признак 1: Тип подчинительных синтаксических отношений, в которые члены предложения вступают. Различаются два основных типа подчинительных синтаксических отношений – предикативные и детерминативные. По данному признаку делятся члены предложения на главные и второстепенные, причем только главные члены предложения могут

вступать в предикативное отношение (отношение между подлежащим и предикатом). В детерминативные отношения могут вступать члены как главные (в роли господствующего компонента), так и второстепенные (в роли господствующего или зависимого) (Slovák, 2017, s. 382).

Признак 2: Частеречная принадлежность господствующего члена синтагмы. Данный признак служит для разграничения второстепенных членов предложения. В трудах прежде всего чешских лингвистов можно найти следующие правила: от существительного зависит определение или приложение, от прилагательного – дополнение или обстоятельство, от глагола зависит дополнение или обстоятельство, от наречия – обстоятельство, от глагола и существительного одновременно зависит дуплексив и т. п. (Slovák, 2017, s. 383).

Признак 3: Синтаксическое значение члена предложения. Общепринято выделять пять основных синтаксических значений – субъектное, предикативное, атрибутивное, объектное и циркумстативное (обстоятельственное) (напр. Česnokova, 1996, s. 21). Причем каждое из приведенных значений в типичном проявлении характерно для определенного члена предложения. Так, стандартное подлежащее имеет субъектное значение, предикат – предикативное, определение – атрибутивное, дополнение – объектное и обстоятельство – циркумстативное (Slovák, 2017, s. 383).

Признак 4: Формальное средство выражения синтаксического отношения. Синтаксические отношения имеют свое формальное выражение. Среди лингвистов общепринято различать три вида формального выражения подчинения (часто упоминаемые прежде всего в российской литературе под названием синтаксические связи): согласование, управление и примыкание. (...) Зачем системе членов предложения нужен данный признак? По формальному средству выражения синтаксического отношения, во-первых, различается согласованное и несогласованное определение, во-вторых, отличается несогласованное определение от (согласованного) приложения, в-третьих, отличается (управляемое) дополнение от (примыкающего) обстоятельства (Slovák, 2017, s. 384).

Признак 5: Частеречная принадлежность члена предложения. Несмотря на то, что почти во всех грамматиках указывается на то, чем (какой частью речи) члены предложения выражаются, различительная функция данного признака состоит «лишь» в отграничении согласованного определения (выражаемого прилагательным) от приложения (выражаемого существительным) (Slovák, 2017, s. 385).

Разные признаки, положенные в основу выделения членов предложения, приводят к отсутствию четких границ между членами предложениями и неоднозначной трактовке синтаксической категории.

Дебаты вызывает не только принадлежность к тому или иному члену предложения, но и сам количественный состав членов предложения. В школьных грамматиках и учебниках обычно выделяют определение, дополнение, обстоятельство, некоторые авторы выделяют и другие члены предложения (примеры рассмотрим в параграфе 4.4). Детально проанализируем классификации членов предложения в выбранных русских и чешских грамматиках, учебниках и пособиях, определим количественный и качественный состав терминосистемы *Члены предложения*.

4.2 Главные члены предложения

4.2.1 Подлежащее

Говоря о термине *подлежащее*, следует сразу оговориться, что мы будем рассматривать только *грамматическое подлежащее*. В синтаксической литературе (А. М. Пешковский, Ф. Травничек, Ф. Копечны и др.) мы можем встретиться с терминами *логическое подлежащее*, *психологическое подлежащее*, *грамматическое подлежащее* (*logický podmět*, *psychologický podmět*, *gramatický podmět*). Выделение психологического, логического подлежащего связано с описанием структуры предложения на уровне семантики, с точки зрения актуального членения предложения и пр. Термин *подлежащее* (*podmět*, *subjekt*) без определения (психологический, логический) используется для описания грамматической структуры предложения.

Дискуссия о грамматических, логических и психологических подлежащих, о том, можно ли их отождествлять, имеет давнюю историю. Напр., И. Давыдов отмечал: «Грамматические члены различаются от логических. Грамматическим подлежащим называется только одно понятие о предмете суждения, логическое же подлежащее есть понятие о предмете суждения со всеми другими понятиями, относящимися к его объяснению. То же самое различие принимается между логическим и грамматическим сказуемым... Грамматических членов в предложении может быть четыре: подлежащее, сказуемое, определение и дополнение, а логических только два: подлежащее и сказуемое» (Lomtev, 2007, s. 9). Ф. И. Буслаев указывал, что «в логическом отношении второстепенные члены не отделяются от главных и вместе с ними составляют логическое подлежащее и логическое сказуемое (т. е. субъект и предикат)» (Lomtev, 2007, s. 17). Ф. Копечны также довольно подробно рассматривает разницу между этими типами подлежащего в *Základy české skladby*.

В AG-54 под подлежащим понимается «главный член двусоставного предложения, грамматически независимый от других членов предложе-

ния, выражаемый обычно именем существительным, местоимением или другим склоняемым словом в форме именительного падежа и обозначающий предмет (в широком смысле слова), признак (действие, состояние, свойство, качество) которого определяется в сказуемом: *Отец работает; Воздух чист и свеж; Мы строим новые здания*» (AG-54, 1954, s. 370). «Подлежащее имеет вполне определенную и строго стабильную форму выражения: в русском языке оно может быть выражено именительным падежом существительного и предметно-личного местоимения (или его «субстантивированным эквивалентом»), количественно-именным сочетанием, наконец, инфинитивом» (AG-54, 1954, s. 88-89).

В определении подчеркивается независимость подлежащего и его формальная выраженность (именительный падеж).

П. А. Лекант, определяя подлежащее, делает акцент на его грамматической независимости: «В русском языке подлежащее – абсолютно независимый главный член двусоставного предложения. Грамматическими показателями независимости подлежащего являются именительный падеж имени (номинатив) и неопределенная форма глагола (инфинитив). Имя в качестве подлежащего обозначает предмет, который является производителем действия или носителем признака, названного в сказуемом» (Lekant, 2001, s. 272).

В отличие от AG-54 П. А. Лекант предлагает классифицировать подлежащие по морфологической форме: подлежащие, выраженные именительным падежом именных частей речи, он называет *номинативными*, для подлежащих, выраженных инфинитивом, соответственно использует термин *инфинитивные подлежащие*. Номинативное подлежащее является наиболее употребительным и распространенным.

Описывая инфинитивное подлежащее, П. А. Лекант подчеркивает взаимосвязь между грамматическими формами подлежащего и сказуемого, ограничения, которые накладывает инфинитив в качестве подлежащего на форму выражения сказуемого: «Инфинитивное подлежащее не имеет предметного значения, не подвергается субстантивации. Оно не может означать деятеля. Поэтому при инфинитивном подлежащем не может быть употреблено глагольное сказуемое. В составное сказуемое при инфинитивном подлежащем обычно входят имя существительное, предикатив (категория состояния), инфинитив и (реже) имя прилагательное в полной форме» (Lekant, 2001, s. 274).

В учебнике *Русский синтаксис в сопоставлении с чешским* под редакцией М. Кубика «подлежащее – один из двух главных членов двусоставного предложения, находящийся в отношении предикации со сказуемым. Формально оно выражается, как правило, именительным падежом существительного или личного местоимения. Семантически оно обозначает субстан-

цию, которой сказуемым приписывается признак в самом широком смысле» (Adamec In: Kubík a kol., 1982, s. 46). Указывается, что подлежащее может быть выражено не только существительным, но и местоимением, сочетанием количественного числительного с существительным и инфинитивной конструкцией, но подлежащие по типам не классифицируются.

Авторы учебника *Синтаксис русского языка в сопоставлении с чешским* определяют подлежащее как «конститутивный член предложения, выраженный синтаксическим существительным, т. е. любым словом/словосочетанием в позиции им. п. существительного: *Брат учится в техникуме. Москва – столица России. (...)*» (Flídrová, Žaža, 2005, s. 43). Самая частая форма выражения подлежащего – существительное в форме именительного падежа. Однако в отрицательных предложениях и в предложениях с количественным значением встречается подлежащее в родительном падеже, для иллюстрации авторы приводят следующие примеры: *Ирины дома не было. – Документов не сохранилось. (...) Денег еще хватает. Навалило снегу. Примеров – три. Водителей – ни одного.*

Авторы выделяют два типа подлежащих, для их обозначения вводят новые термины: *субстанциальные* (выраженные синтаксическим существительным) и *ситуационные* (выраженные инфинитивом) *подлежащие*.

Ф. Копечны для обозначения подлежащего пользуется двумя терминами – *podmět* и *subjekt*, определяет его так: «Podmět (subjekt) je predikačně určovaný člen ve větě. Je to původce nebo nositel slovesného děje nebo stavu nebo vlastnosti (okolnosti), které vyslovuje přísudek: zkratka nositel predikačního znaku» (Копечный, 1962, s. 162).

«Podmět bývá vyjádřen nominativem nebo s ním konkurujícím pádem partitivním (numerativním); též celou větou nebo infinitivem; a ovšem jakýmkoli jiným slovem nebo výrazem, který lze chápat za nominativ syntaktického substantiva» (Копечный, 1962, s. 163).

Т. е. сходство с русскими грамматиками заключается в том, что сочетания с числительными (пять мальчиков – pět chlapců) являются подлежащими, подлежащее также может быть выражено инфинитивом. Различие в том, что 1) родительный партитивный, по Ф. Копечному, может быть подлежащим – *ubývá vody, napadlo sněhu*, 2) подлежащее может выражаться и родительным отрицания: *není peněz, nebylo vody, není lásky mezi lidmi* (Копечный, 1962, s. 166).

М. Грепл, П. Карлик (1986) определяют подлежащее следующим образом: «Podmět (subjekt) je výraz v syntaktické levovalenční pozici předpokládající nominativní formu. Proto se na tento základní větný člen ptáme otázkou *kdo/co?*» (Grepl, Karlík, 1986, s. 235). Авторы выделяют три вида подлежащих: *podmět substantivní, podmět větný, podmět infinitivní*. Подлежащие классифицируются в зависимости от того, как они выражены. К первой группе отно-

сятся подлежащие, выраженные существительными, прилагательными, местоимениями, в именительном падеже, но авторы считают подлежащим и имя существительное в родительном падеже (родительный партитивный и родительный отрицания), напр., *V přehradě ubylo vody; Přibylo jí vrásek*. Ко второму типу относятся подлежащие, выраженные относительным придаточным предложением: *Kdo lže, krade; Co se vleče, neutěče*. К третьему типу относятся подлежащие, выраженные инфинитивом.

При анализе подходов русских синтаксистов, чешских русистов и чешских богемистов были выявлены следующие особенности:

- 1) Русские и чешские русисты используют термин *подлежащее*, чешские богемисты оперируют термином *podmět*, но также указывают его эквивалент латинского происхождения – *subjekt*.
- 2) В русской синтаксической традиции подчеркивается независимая роль подлежащего в предложении. В чешской синтаксической традиции эта независимость так сильно не акцентируется. В определениях М. Кубика и Ф. Копечного делается акцент на предикативные отношения между подлежащим и сказуемым в предложении.
- 3) В рамках русской синтаксической школы традиционно считается, что подлежащее, выраженное именной частью речи, должно быть только в им. п. В работах некоторых лингвистов (Г. А. Золотова, Г. П. Дручинина, Н. К. Онипенко и некоторые др.) рассматривается идея выражения подлежащего косвенными падежами, однако она не получила широкого распространения. В анализируемых нами работах чешских синтаксистов Флидровой, Жажи; Копечного, Грепла и Карлика рассматриваются подлежащие, выраженные формами родительного падежа (родительный партитивный и родительный отрицания).
- 4) Русские и чешские синтаксисты признают существование субстантивных и инфинитивных подлежащих (субстанциальных и ситуативных в терминологии Флидровой, Жажи), в работах чешских богемистов рассматриваются и подлежащие, выраженные придаточным предложением. В русской синтаксической традиции члены предложения выделяются в рамках простого предложения, если речь идет о сложном предложении, то в каждой его части выделяются свои главные и второстепенные члены предложения.
- 5) В работах чешских русистов и богемистов указывается, что подлежащее может быть формально не выражено (как правило, речь идет о личных местоимениях), но в анализируемых грамматиках и учебниках для такого подлежащего не используется специальный термин, хотя в чешской синтаксической литературе иногда встречается термин *nulový podmět* (так называемое нулевое подле-

жащее). В русской синтаксической традиции в таких случаях говорится, что подлежащее отсутствует.

4.2.2 Сказуемое

Сказуемое – главный член предложения, выделяемый еще в первых грамматиках.

В *AG-54* мы находим следующее определение: «Сказуемое – это главный член двусоставного предложения, грамматически зависящий от подлежащего, обычно выражающийся личной формой глагола, именем существительным или причастием и обозначающий признак (действие, состояние, свойство, качество) того предмета, который выражен подлежащим» (*AG-54*, 1954, s. 386-387).

В грамматике представлена сложная иерархия типов сказуемого: «В зависимости от формы выражения сказуемого выделяются следующие его типы: глагольное сказуемое – простое и сложное; именное сказуемое (выраженное именем существительным, именем прилагательным, именем числительным, местоимением, а также наречием); сказуемое, выраженное причастием; сказуемое, выраженное междометием» (*AG-54*, 1954, s. 387). Толкование простого глагольного сказуемого соответствует общепринятой грамматической традиции: Простым глагольным сказуемым называется сказуемое, выраженное глаголом в форме изъявительного, повелительного или сослагательного наклонения, а также в форме инфинитива. Простое глагольное сказуемое обозначает действие, состояние или свойство того лица, предмета или явления, которое выражено подлежащим. Также авторы оперируют понятием *сложное сказуемое*, которое не так часто встречается в других грамматиках: «Сложным глагольным сказуемым называется сказуемое, состоящее из личной формы глагола и примыкающего к нему инфинитива».

Особый интерес вызывает подход к именному сказуемому, потому что это один из спорных вопросов синтаксиса XX–XXI вв. «Именным сказуемым называется сказуемое, выраженное именем существительным, именем прилагательным, именем числительным и местоимением, а также наречием. Эти части речи могут выражать сказуемое либо самостоятельно, либо входя в состав сказуемого с личными глагольными формами и образуя именную часть сказуемого» (*AG-54*, 1954, s. 416). Выделяется три разновидности именного сказуемого: простое именное, составное именное, сложное именное: «Сказуемое, состоящее только из именной части и не включающее в свой состав форм глагола, называется простым именным сказуемым (*Он врач; Все в сборе; Она еще молода*), сказуемое, состоящее из именной части и вспомогательного глагола, называется состав-

ным именным сказуемым (*Она была моложе; Я стал учителем; Все казались взволнованными*), сказуемое, состоящее из именной части и полнозначительного глагола, называется сложным именным сказуемым (*Я пришел усталый; Она вернулась в родное село учительницей; Ребенок родился слепым*)» (AG-54, 1954, s. 417).

П. А. Лекант в описании сказуемого, с одной стороны, подчеркивает значимость сказуемого, с другой стороны, его грамматическую зависимость: «Грамматическая зависимость сказуемого от подлежащего заключается в том, что сказуемому принадлежит активная роль в формальном выражении предикативной связи главных членов предложения: формы сказуемого согласуются или координируются с формами подлежащего. (...) Семантическая и структурная роль сказуемого не является менее существенной, чем роль подлежащего. Напротив, в формах сказуемого в первую очередь находят опору основные элементы предикативности – модальность, время, лицо» (Lekant, 2001, s. 275).

Отличительным в понимании сказуемого для П. А. Леканта является разделение значений сказуемого на вещественное и грамматическое: «выражение в сказуемом предикативного признака предполагает наличие двух значений – вещественного и грамматического. (...) Эти значения могут быть выражены либо синтетическим способом: в одном слове или лексикализованном (семантически и синтаксически неделимом) сочетании слов; либо аналитическим способом: вещественное и грамматическое значение выражаются раздельно, в двух компонентах» (Lekant, 2001, s. 275-276). Это разделение легло в основу классификации структурных типов сказуемого: вводится два основных типа сказуемого – простое и непростое. Если с термином *простое сказуемое* мы неоднократно встречаемся в русских грамматиках XIX–XX веков, то термин *непростое сказуемое* не является таким распространенным. *Простое сказуемое* в терминологии П. А. Леканта – это сказуемое, которое в других грамматиках чаще называют простое глагольное сказуемое, потому что «только в спрягаемом глаголе одновременно выражаются вещественное и грамматическое значения» (Lekant, 2001, s. 276). *Непростое сказуемое* состоит из двух компонентов, функции которых четко разграничены: основной компонент выражает только вещественное значение, вспомогательный – только грамматическое (Lekant, 2001, s. 276).

Непростое сказуемое может быть составным глагольным сказуемым или составным именным сказуемым. Составное глагольное сказуемое представляет собой сочетание инфинитива полнозначного глагола с вспомогательным компонентом (Lekant, 2001, s. 278). Составное именное сказуемое включает компоненты, различные по морфологической природе. Основной компонент представлен формами имен или других

слов, по значению сближающихся с именами; он обозначает пассивный признак в различных частных проявлениях (качество, состояние и пр.). Вспомогательный компонент представлен спрягаемыми формами глаголов (или устойчивых глагольных словосочетаний), утрачивающих в данной функции свое конкретное вещественное содержание. Этот компонент называется связкой, а основной компонент – именной (присвязочной) частью (Lekant, 2001, s. 280).

Определяя сказуемое, М. Кубик, как и большинство синтаксистов, опирается на его значение и грамматическую зависимость от подлежащего: Сказуемым называется главный член двусоставного предложения, формально зависящий от подлежащего и приписывающий подлежащему какое-либо действие, состояние или признак (Adamec, Kubík In: Kubík a kol., 1982, s. 40).

М. Кубик предлагает классифицировать сказуемые по форме и выделяет следующие типы сказуемого:

Простое глагольное сказуемое (выражается спрягаемой формой глагола) (...) Кроме согласованных форм, которые у данного типа сказуемого представляют собой абсолютное большинство, изредка встречается и несогласованное простое глагольное сказуемое. (...) Особым подтипом простого глагольного сказуемого, приближающимся своими особенностями к самостоятельному типу, является *экзистенциальное сказуемое* *есть* с глаголом или его нулевой формой. *Есть такие люди. В нашем городе есть музей. Деньги у него есть* (Adamec, Kubík In: Kubík a kol., 1982, s. 40-41).

Составное именная сказуемое, выраженное сочетанием связки или так наз. полусвязочного глагола с предикативным прилагательным, существительным или наречием (эти последние обозначаются термином *именная часть сказуемого*). *Отец болен. Брат – студент. Все в беспокойстве. Ты будешь моим помощником. Москва является культурным центром всей страны* (Adamec, Kubík In: Kubík a kol., 1982, s. 41).

Сложное глагольное сказуемое выражено сочетанием так наз. модификатора (т. е. глагола, предикатива со связкой или глагольного словосочетания с модальным или фазисным значением) и инфинитива знаменательного глагола, напр. *Я могу приехать. Мы должны были остаться. Ты не имеешь права так говорить* (Adamec, Kubík In: Kubík a kol., 1982, s. 42).

Осложненное глагольное сказуемое выражается глаголом в сочетании с различными частицами, которые сообщают сказуемому разные модальные и экспрессивные оттенки. *А собака как зарычит! А ну-ка скажи. Он всегда что-нибудь да выдумает* (Adamec, Kubík In: Kubík a kol., 1982, s. 42).

Аналитическое сказуемое. Аналитическим называется сказуемое, выраженное устойчивым глагольно-именным словосочетанием, образующим целостную семантическую единицу. *Студенты принимают участие*

в решении всех педагогических вопросов (Adamec, Kubík In: Kubík a kol., 1982, s. 44).

В учебнике Г. Флидровой и С. Жажи авторы в основном пользуются термином *предикат*. Они разграничивают понятия *сказуемое* и *предикат*, предикат понимается более широко, и, описывая члены предложения, они говорят о предикате. «Под термином предикат мы подразумеваем то, что в традиционных школьных грамматиках называется

А) сказуемое двусоставного предложения

Б) единый главный член односоставного предложения» (Flídrová, Žaža, 2005, s. 39).

Предикат представляет собой центр предложения, так как именно он связывает все конститутивные члены предложения в одно структурное целое» (Flídrová, Žaža, 2005, s. 38).

1. Предикат собственно глагольный, выраженный спрягаемой формой полнозначительного глагола. (...) Собственно глагольным считается и предикат, выраженный аналитической формой пассива (формой вспомогательного глагола *быть*): *Здесь будет построен новый стадион. Автором было высказано два взгляда.*

Кроме предиката, согласующегося с подлежащим, встречается и несогласованный предикат, выражаемый императивом 2 л. ед. ч., обозначающим неожиданное действие или условное действие, инфинитивом несовершенного вида, выражающим внезапное действие в прошлом.

2. Предикат связочно-именной. Выражается формой глагола-связки (включая нулевую) или полусвязки и именной частью предиката (прилагательным, существительным, наречием, предложно-падежным сочетанием, числительным): *Отец был болен. Мой племянник – диспетчер. Сестра уже замужем. Все были в беспокойстве.* (...)

3. Предикат сложный (собственно глагольный или связочно-именной), содержащий т. наз. модификатор, т. е. глагол или предикативное наречие с модальным или фазовым значением, и инф. полнозначительного глагола: *Я могу приехать. Таня вынуждена остаться. Мы должны будем извиниться. Ты не имеешь права так говорить.* (...)

4. Предикат инфинитивный: *Вам сегодня убирать квартиру. Борису не понять этого. Что делать?* (...)

5. Предикат неглагольный, выраженный существительным, наречием, частицей и междометием: *Тишина. Ну и погода! Хорошо. Вперед! Спасибо! Так ли? Ой-ой!* (Flídrová, Žaža, 2005, s. 40-41).

Также выделяются два специальных типа предиката: *аналитический* и *осложненный*.

Аналитическим называется предикат, выраженный устойчивым глагольно-именным словосочетанием, образующим целостную семантиче-

скую единицу. *Студенты принимают участие в решении педагогических вопросов.*

Осложненный предикат «встречается в живой разговорной речи и выражается глаголом в сочетании с частицами, сообщающими предикату разные модальные и эмоциональные оттенки: *Я хотел погладить собаку, а она как зарычит! (...)*» (Flídrová, Žaža, 2005, s. 42).

В учебнике Г. Флидровой и С. Жажи сказуемые классифицируются по подобным основаниям, как у М. Кубика, но используется другая терминология. Ср. слева термины, используемые в учебнике под редакцией М. Кубика, справа – в учебном пособии Г. Флидровой и С. Жажи.

<i>Простое глагольное сказуемое</i>	–	<i>Собственно глагольный предикат</i>
<i>Составное именное сказуемое</i>	–	<i>Связочно-именной предикат</i>
<i>Сложное глагольное сказуемое</i>	–	<i>Сложный предикат</i>
<i>Осложненное глагольное сказуемое</i>	–	<i>Осложненный предикат</i>

Кроме того, в классификации Г. Флидровой, С. Жажи выделяются *инфинитивный предикат* и *неглагольное сказуемое*, которые не рассматриваются в учебнике под редакцией М. Кубика.

Ф. Копечный определяет сказуемое так: «*Přísudek (predikát) je ten větný člen, to větné určení, které se podmětu v té či oné modalitě platnosti „tvrdivě“ přisuzuje, které se v té či oné modalitě platnosti na podmět jako tvrzení vztáhne*» (Kopečný, 1962, s. 167).

Автор рассматривает разные способы выражения сказуемого, но не классифицирует их по этому признаку. Важным вопросом для него является проблема связки и связанная с этим проблема так называемого дуплексива. По сравнению со своими предшественниками он более широко понимает термин *spona* (связка), относя к связочным глаголам не только *býti*, но и *státi se, zdáti se*, соответствующие формы глаголов *mít, učinit, zvolit, jmenovat, pokládat, považovat, chápat*.

По мнению авторов учебника *Skladba spisovné češtiny* (1986), основным признаком сказуемого, отличающим его от всех остальных членов предложения, является его темпоральная и модальная характеристика: сказуемое всегда является носителем синтаксически независимых категорий модальности и времени, называемых предикационными (Grepel, Karlík, 1986, s. 235).

Выделяются следующие типы сказуемого: *slovesný přísudek* (глагольное сказуемое, выраженное VF), *slovesně-jmenný přísudek* (sponově-jmenný přísudek, в состав которого входит глагол-связка (sponové sloveso, spona) и именная часть), *jmenný přísudek*. Авторы считают, что глагольное сказуемое может быть выражено и другими частями речи (междометие, сравнительные обороты со словом *jako* и сослагательного наклонения и др.). Также в рамках глагольного сказуемого они рассматривают *составное гла-*

гольное сказуемое (slovesný přísudek složený), которое состоит из инфинитива полнозначного глагола и личной формы фазового или модального глагола. Таким образом, термины *slovesný přísudek* и *slovesný přísudek složený* находятся в иерархических родовидовых отношениях.

В МČЗ авторы пользуются термином *predikát*. Сказуемое в концепции авторов – организационный центр предложения. Je to jazyková jednotka, která ve své funkci větotvorné vystupuje v podobě některého z finitivních tvarů sloves. (Ojedinele může tuto funkci i z hlediska formálně syntaktického plnit infinitiv: Vědět tohle, nebyl bych s nimi chodil (...)) Je-li však tímto slovesem sloveso být/bývat ve funkci tzv. spony, pak tvoří součást a vlastní sémantické jádro predikátu význam s ním nutně spojeného výrazu jmenného, který má na rovině syntaktické formy platnost větného členu nazývaného predikativ (MČЗ, 1987, s. 21).

Ты složky věty (větné členy), jejichž přítomnost ve větě je predikátem vyžadována (tj. vyplývá z jeho valence jakožto jevu formálně gramatického), vytvářejí – spolu s predikátem – základovou větnou strukturu; proto je nazýváme členy základové (MČЗ, 1987, s. 21).

Z hlediska sémantického je třeba lišit případy, kdy sémantický predikát představuje na rovině syntaktické formy sloveso samo, od případů, kdy k predikátu patří nejen význam slovesa, ale zároveň s ním význam nějakého dalšího větného členu jmenné povahy. V prvním případě mluvíme o predikátu syntetickém (např. Prší. (Slunce svítí). (Otec) píše (dopis)), v druhém případě o sémantickém predikátu analytickém (rozloženém, slovesně-jmenném) (MČЗ, 1987, s. 22).

Русские лингвисты пользуются термином *сказуемое*, чешские лингвисты используют и термин *prísudek*, и термин *predikát*. М. Кубик следует русской лингвистической традиции и употребляет термин *сказуемое*. Г. Флидрова и С. Жажа разграничивают термины *предикат* и *сказуемое*, *предикат* – более широкий термин.

Одним из самых острых вопросов является проблема выделения именованного сказуемого. Еще Р. Мразек в статье *Проблема сказуемого и его классификации* (1958) писал, что одним из камней преткновения является сказуемое в конструкциях «им. п. – глагол *быть* – им. п.». Можно выделить две полярные концепции, что считать в данном случае сказуемым. Первая концепция связана с комплексным пониманием сказуемого, когда сказуемым считают сочетание глагола *быть* (и некоторых других) с именем. Подобная точка зрения широко представлена в русской грамматической традиции, наиболее ярко она выражена в АГ-54, где, как мы рассмотрели выше, выделяется три разновидности именных сказуемых: простое именованное, составное именованное, сложное именованное. Мразек иллюстрирует это традиционными примерами: *Кир был царь* – „*Кир стал царь*»; *Он был*

прав – Он оказался прав; Мальчик (есть) болен – Мальчик лежит болен. Сказуемые в этих предложениях в рамках русской синтаксической традиции принято считать именными сказуемыми. По второй концепции сказуемым считается только глагол, а имя в данных конструкциях является второстепенным членом предложения, таким образом в вышеуказанных примерах следует выделять не составное именное сказуемое, а простое глагольное. В анализируемых нами грамматиках и учебниках мы встречаемся или с первой концепцией или с компромиссными решениями.

Конструкции с кратким страдательным причастием рассматриваются по-разному. Виноградов называет их сказуемым, выраженным причастием, Лекант – составным именным сказуемым, Кубик считает подобные случаи сложными, по его мнению, они занимают промежуточное положение между простым глагольным и составным именным сказуемым, но в учебнике классифицирует их как составное именное сказуемое, Г. Флидрова и С. Жажа называют их предикатом собственно-глагольным.

4.2.3 Единый главный член предложения

Одним из принципиальных вопросов синтаксической теории является вопрос о главном члене односоставного предложения.

В *AG-54* не делается принципиальных различий между главными членами двусоставного предложения и главными членами односоставного предложения. Нигде не говорится, что главный член предложения имеет иной характер по сравнению с главными членами двусоставного предложения, но в описании односоставных предложений авторы избегают терминов *подлежащее* и *сказуемое*, обычно используют название *главный член предложения*. При описании главного члена односоставного предложения всегда указывается, какой частью речи он выражен.

П. А. Лекант видит разницу между подлежащим и сказуемым в двусоставном предложении и единственным главным членом односоставного предложения. Для главного члена односоставного предложения он не использует специальный термин, но подчеркивает его своеобразие: «Главный член односоставного предложения может быть подобен одному из главных членов двусоставного предложения – подлежащему или сказуемому (...), однако по значению главный член односоставного предложения не может быть отождествлен ни с подлежащим, ни со сказуемым» (Lekant, 2001, s. 290).

П. Адамец (Adamec In: Kubík a kol., 1982) в качестве особого члена предложения выделяет единый главный член предложения. «Единым главным членом называется главный член односоставного предложения, выражающий действие (состояние, явление), не соотносимое с подде-

жащим. Единый главный член двусоставного предложения аналогичен сказуемому двусоставного предложения. Он представляет собой структурный центр односоставного предложения, с которым синтаксически сочетаются все остальные его конститутивные члены» (Adamec In: Kubík a kol., 1982, s. 51). Классификация единого главного члена проводится на основании его частеречной принадлежности, всего выделяется восемь типов, для их обозначения автор вводит новые термины: *простой глагольный единый главный член, составной именной единый главный член, сложный глагольный единый главный член, инфинитивный единый главный член, экзистенциально-инфинитивный единый главный член, субстантивный единый главный член, наречный и партикулярный единый главный член, междометный единый главный член* (Adamec In: Kubík a kol., 1982, s. 51-52).

В учебнике Г. Флидровой и С. Жажи для обозначения единого главного члена односоставного предложения используется термин *предикат*.

Ф. Копечны в *Základy české skladby* (1962) не акцентирует внимание на этом вопросе, детально не анализирует односоставные предложения, не использует специальный термин для обозначения единого главного члена предложения.

М. Грепл и П. Карлик упоминают о проблеме единого главного члена односоставного предложения: «Tradičně se o přísudku mluví jen v korelaci s podmětem. Takový přístup vede pak k tomu, že např. ve větě *Občané nakonec dosáhli nápravy* se výraz *dosáhli* považuje za přísudek, ve větě *Občany bylo nakonec nápravy dosaženo* se výraz *bylo dosaženo* za přísudek nepovažuje: jde podle školských mluvnic o „(jediný/ /jeden) základní větný člen“. Ale ve větě *Občany byla nakonec náprava dosažena* se též výraz hodnotí zase jako přísudek» (Grepl, Karlík, 1986, s. 235). Детальнее авторы не рассматривают вопрос о едином главном члене, но, классифицируя типы сказуемого, в качестве примеров приводят и односоставные предложения.

Подытоживая, можно заметить, что проблема различения главных членов в двусоставном и односоставном предложении является очень важной и решается в зависимости от авторской концепции по-своему. Авторы *AG-54* рассматривают классификацию членов предложения в главе, посвященной двусоставным предложениям, применительно к односоставным предложениям не рассматривается вопрос о членах предложения. При описании односоставных предложений они пользуются термином *главный член предложения*. В более современных русских учебниках по синтаксису, как правило, выделяется *единый главный член предложения* (анализируемый нами *СРЛЯ* Леканта или *Синтаксис современного русского языка* Валгиной).

Для чешской синтаксической традиции, которая нашла отражение в работах чешских богемистов и русистов, характерен переход от про-

тивопоставления односоставного предложения двусоставному к противопоставлению предложений подлежащих и бесподлежащих, именно этим и объясняется разница в терминах, используемых для обозначения единого главного члена предложения.

В *Русском синтаксисе в сопоставлении с чешским* выделяется *единый главный член* и характеризуется по его морфологической принадлежности. В учебнике Г. Флидровой и С. Жажи авторы работают с термином *предикат*, М. Грепл и П. Карлик также выделяют в односоставных предложениях один главный член предложения – *prísudek*. Это приводит к тому, что слово в одной и той же синтаксической позиции будет классифицироваться по-разному.

Таблица 1. Классификация главных членов односоставного предложения в работах разных лингвистов

Название источника/автор	Пример	Член предложения
АГ-54	Стало светать.	Не используется специальное название, конструкция описывается как безличное предложение, главный член которого выражен инфинитивом безличного глагола несовершенного вида в сочетании с формами глаголов, обозначающих начало действия
АГ-54	Тишина.	Не используется специальный термин, конструкция рассматривается как нераспространенное номинативное предложение с главным членом предложения, выраженным существительным
Лекант СРЛЯ	Вечер. За стеной шумели.	Не используется специальный термин, это главный член предложения
Русский синтаксис в сопоставлении с чешским	Смеркается. Крышу сорвало ветром.	Простой глагольный единый главный член
	В комнате стало душно. Сереже стало не по себе.	Составной именной единый главный член
	Стало светать. Пришлось подождать.	Сложный глагольный единый главный член
	Борису не понять этого. Что же нам было делать?	Инфинитивный единый главный член
	Есть с кем посоветоваться. Нам будет о чем поговорить.	Экзистенциально-инфинитивный единый главный член

Название источника/автор	Пример	Член предложения
	Тишина. Какая метель!	Субстантивный единый главный член
	Хорошо. Вперед! Да. Спасибо!	Наречный и партикулярный единый главный член
	Ах! Ой-ой! Bravo!	Междометный единый главный член
Синтаксис русского языка в сопоставлении с чешским	Крышу сорвало ветром. Смеркается.	Глагольный предикат
	Саше стало не по себе.	Связочно-именной предикат
	Стало светать. Об этом надо будет подумать.	Сложный предикат
	Борису не понять этого. Лишь бы вам не простудиться.	Инфинитивный предикат
	Тишина. Ну и погода! Хорошо. Вперед! Спасибо. Ой-ой!	Неглагольный предикат
М. Грепл, П. Карлик	Škola. Ordínace. Skvělé! Zajímavé!	Přísudek jmenný

Т. е. в предложениях типа – *Тишина*. – слово «тишина» в *AG-54* классифицировалось бы как главный член предложения, выраженный существительным, у П. А. Леканта – главный член, в *Русском синтаксисе в сопоставлении с чешским* – субстантивный единый главный член, у Г. Флидровой, С. Жажи – неглагольный предикатив, у М. Грепла, П. Карлика – именное сказуемое (přísudek jmenný).

4.3 Второстепенные члены предложения

Различительным признаком, на основе которого члены предложения делятся на главные и второстепенные, является вхождение или невхождение в предикативную основу предложения, т. е. в тот минимум, которого достаточно для того, чтобы предложение стало грамматически оформленной предикативной единицей.

В. В. Виноградов в *AG-54* писал, что не надо отказываться от учения о второстепенных членах предложения, но существующее деление нуждается в пересмотре. По-видимому, действительно с помощью устоявшейся системы невозможно описать все многообразие синтаксических конструкций и значений, поэтому часть лингвистов связала теорию второстепенных членов предложения с теорией словосочетания и стала описывать члены предложения через призму синтаксических отношений

и связей внутри словосочетания, другая часть лингвистов отказалась от термина второстепенные члены предложения; третья группа пытается пересмотреть существующую систему второстепенных членов предложения.

Среди примеров разных подходов можно назвать Т. П. Ломтева, который в работе *Основы синтаксиса русского языка* (1958 г.) вводит понятие *позиции*, он выделяет синтаксически главные и второстепенные позиции, полнозначные и неполнозначные позиции, зависимые и независимые позиции словесных форм. Г. А. Золотова использует новое авторское понятие *синтаксема*, под которым понимает синтаксические формы слова, характеризующиеся: 1) категориально-семантическим значением, 2) соответствующей ему морфологической формой; 3) вытекающей из предыдущего способностью синтаксически реализовываться в определенных позициях.

В *Русской грамматике* (1970) отсутствует теория второстепенных членов предложения, вместо нее авторы вводят понятие комплексных отношений между словами при изучении типов связи в словосочетании.

В *Русской грамматике* (1980) второстепенные члены предложения введены под названием распространяющие члены предложения – распространители, они противопоставляются главным членам предложения. Среди распространителей выделяются присловные распространители (распространители слова) и неприсловные распространители (распространители предложения) – детерминанты.

В отдельных грамматиках авторы отказываются или от традиционных названий второстепенных членов предложения, или от деления второстепенных членов предложения. Напр., в *Русской грамматике* (2) В. Барнетова, Г. Беличова-Кржишкова и др. (1979) авторы оперируют термином *детерминант*, выделяют факультативные детерминанты в рамках сказуемостного состава и факультативные детерминанты определительного характера. Факультативные детерминанты в рамках сказуемостного состава делятся по значению, для обозначения конкретных типов используются предтермины, факультативные детерминанты определительного типа также называются определениями.

В целом для чешской синтаксической традиции характерно скорее совершенствование устоявшейся традиционно сложившейся системы членов предложения.

Рассмотрим, как представлены второстепенные члены предложения в работах русских русистов, чешских русистов и чешских богемистов.

4.3.1 Дополнение

В *AG-54* дополнение определяется следующим образом. «Второстепенный член предложения, относящийся к члену предложения, выраженному глаголом, существительным, местоименным существительным, прилагательным, числительным или наречием, и обозначающий предмет, на который переходит действие, который является результатом действия, по отношению к которому совершается действие или проявляется признак, либо обозначающий действие как объект, на который направлено другое действие, называется дополнением» (*AG-54*, 1954, s. 523).

Авторы считают, что «наиболее четко значение дополнения выступает тогда, когда имя существительное, местоименное существительное, количественное числительное или количественно-именное сочетание, а также любое субстантивированное слово в форме винительного падежа без предлога относится к члену предложения, выраженному переходным глаголом. Такое дополнение называется прямым, в отличие от косвенных дополнений, выраженных формами винительного падежа с предлогами, а также формами других косвенных падежей без предлогов и с предлогами» (*AG-54*, 1954, s. 560). К прямым дополнениям авторы также относят дополнение при предикативных наречиях *жалко, жаль. Ему жалко (жаль) денег. Жаль (жалко) бумаги* (*AG-54*, 1954, s. 561). Также возможно причислить к прямому дополнению те случаи, когда дополнение выражено родительным падежом при глаголе с отрицательной частицей.

П. А. Лекант уделяет большое внимание дополнению и его классификации. «Дополнение – это второстепенный член предложения, который имеет общее значение объекта и относится либо к отдельному члену предложения, выраженному словом со значением действия или признака, либо ко всей основе предложения в целом. Дополнение, как правило, отвечает на вопросы косвенных падежей» (*Lekant*, 1982, s. 308).

В учебнике под редакцией Леканта представлена сложноорганизованная иерархия микросистемы *Дополнение*. Традиционно выделяют прямые и косвенные дополнения, П. А. Лекант также использует эту классификацию, но усложняет ее еще одним уровнем:

Дополнение: присловное дополнение; детерминирующее дополнение

Присловное дополнение: прямое дополнение; косвенное дополнение

«Присловные дополнения выделяются на базе словосочетаний с объектными отношениями, образованными по способу управления, а также примыкания преимущественно именами существительными или местоимениями-существительными, субстантивированными словами, реже – цельными сочетаниями, инфинитивом» (*Lekant*, 2001, s. 308).

Присловные дополнения, выраженные именами существительными и субстантивированными словами, делятся на прямые и косвенные. Прямое дополнение относится к переходному глаголу и выражается сильноуправляемой формой винительного (реже – родительного) падежа без предлога» (Lekant, 2001, s. 308). Все остальные дополнения называют косвенными.

Детерминирующее дополнение называет предмет как объект или субъект, которого касается все то, о чем сообщается в остальной части высказывания. Оно является обязательным элементом распространенного предложения (Lekant, 2001, s. 308).

В зависимости от частеречной принадлежности слова, к которому относится дополнение, автор выделяет *приглагольное, приадъективное и при-субстантивное дополнения* (Lekant, 2001, s. 308).

По сравнению с AG-54 встречаемся с более широким пониманием прямого дополнения: в AG-54 прямое дополнение может быть выражено формой родительного падежа только с предикативными словами *жаль, жалко* или употребляться при членах предложения, имеющих при себе отрицание (AG-54, 1954, s. 562). Лекант в качестве примера прямого дополнения приводит и другие случаи, например, *ищите правды* (Lekant, 2001, s. 308).

П. Адамец – Р. Зимек (Adamec, Zimek In: Kubík a kol.) определяют дополнение так: «Это второстепенный член предложения, синтаксически зависящий чаще всего от объектного глагола в спрягаемой форме (*читаю книгу, читал книгу*). Дополнение образует с глаголом объектно-детерминативную синтагму. В ней дополнение, как зависимый член, получает свою форму в силу управления данного глагола» (Adamec, Zimek In: Kubík a kol., 1982, s. 54). По мнению авторов пособия, дополнение может зависеть не только от глагола, но и «от прилагательного, требующего объекта (*полный надежды, подобный груше, зол на соседа*), или от безличного предикатива (*Ему жаль девушку; Оттуда видно реку*) и, очень редко, от междометия (*Собака цап меня за палец*)» (Adamec, Zimek In: Kubík a kol., 1982, s. 54).

Как и в некоторых других грамматиках и учебниках, авторы делят дополнение по частеречной принадлежности слова, к которому относится дополнение. Схематично классификацию можно отобразить так:

Дополнение: приглагольное дополнение; приименное дополнение

Приглагольное дополнение: прямое дополнение; косвенное дополнение

Приглагольное управление чаще всего обозначает предмет, на который направлено действие, обозначаемое глаголом, напр. *Мы смотрели новую кинокартину. Колхозники построили столовую. Все восхищались игрой.* (...) Приглагольное дополнение может быть прямым или косвенным:

А) прямое дополнение – это дополнение в форме винительного падежа без предлога, сочетающееся с так наз. переходным глаголом, напр.,

слушать лекцию, получить приз... К прямому дополнению следует относить и дополнения в родительном падеже без предлога, сочетающиеся с теми же глаголами, что и дополнение в беспредложном винительном; это родительный отрицания и родительный партитивный;

Б) косвенное дополнение – это дополнение в любой падежной или предложно-падежной форме, кроме формы беспредложного винительного, сочетающееся с непереходным глаголом (Adamec, Zimek In: Kubík a kol., 1982, s. 54-55).

К приименному дополнению относятся дополнения, синтаксически зависящие от прилагательных и предикативов, напр., *доволен докладом, согласен с предложением (...)* (Adamec, Zimek In: Kubík a kol., 1982, s. 59).

Особенностью подхода в данном учебнике также является расширенное понимание прямого дополнения за счет случаев с родительным отрицания и родительным партитивным.

Г. Флидрова и С. Жажа дают следующую дефиницию дополнению: Дополнение (объект) – конститутивный член предложения, восполняющий предикат «справа» и синтаксически зависящий от

А) объектного глагола (в спрягаемой или неспрягаемой форме) и вытекающий из его валентности – дополнение приглагольное, напр. *слушаю лекцию, пользуетесь учебником, обещал вернуться, надеющийся на помощь (...)*

Б) от прилагательного, требующего объекта – дополнение приаъективное: *полный надежды, благодарная родителям...*

В) от безличного предикатива: *ему жаль девушку*

Г) от междометия в функции глагола: *собака цап меня за палец (...)* (Flídrová, Žaža, 2005, s. 48).

Дополнение может быть субстанциональным: *читать роман, нуждаться в деньгах* и ситуационным: *оканчивать уборку, участвовать в дискуссии*.

К ситуационным дополнениям относится дополнение, выраженное инфинитивом (Flídrová, Žaža, 2005, s. 49). В зависимости от частеречной принадлежности слова, к которому относится дополнение, выделяются приглагольные и приименные дополнения.

А. Приглагольное дополнение

Приглагольное дополнение может быть прямым или косвенным. (Flídrová, Žaža, 2005, s. 49).

Прямое дополнение – это дополнение в форме вин. п. без предлога, сочетающееся с т. наз. переходным глаголом, напр.; *слушать лекцию, читать журналы (...)*.

К прямому дополнению следует относить и дополнения, выраженные

А) родительным отрицания: *не слушать лекции, не читать журналов, не получать приза* и т. п.

Б) родительным партитивным (отделительным), употребляемым в том случае, когда действие охватывает не весь предмет, а лишь его часть: *налить молока, подать хлеба...* (Flídrová, Žaža, 2005, s. 49).

Косвенное дополнение – это дополнение, выражаемое другими формами, без предлога или с предлогом, сочетающееся с т. наз. непереходным глаголом, напр.: *избегать ошибок, помогать друзьям (...)* (Flídrová, Žaža, 2005, s. 50).

Б. Приименное дополнение

Эти дополнения зависят синтаксически от прилагательных (чаще всего в именной форме) и предикативных наречий; напр.: *вреден для здоровья, довольна докладом, благодарен матери, готов на все (...)* (Flídrová, Žaža, 2005, s. 56).

Ф. Копечны в *Základy české skladby* указывает два термина для наименования дополнения – *předmět* и *objekt*. Он определяет дополнение так: «*Předmět je vazebné doplnění slovesného nebo adjektivního obsahu. Je to udání představy, již se obsah ideje slovesné nebo adjektivní přímo týká (přechází na ni, vztahuje se na ni). Je to primární představa, k níž se od podmětu nebo od základu výrazu vztah vyjadřuje. Může být vyjádřena jen syntaktickým substantivem nebo tím, čím lze syntaktické substantivum nahradit (infinitivem, větou)*» (Копечný, 1962, s. 212).

Ф. Копечны также традиционно выделяет прямое и косвенное дополнение (*předmět přímý* и *nepřímý*). Прямое дополнение, по Ф. Копечному, обычно в форме винительного падежа. Ф. Копечны, как и Ф. Травничек, также приводит оригинальную классификацию дополнений, выделяя пять типов этого второстепенного члена предложения: «*Podle toho, jaký má pojem předmětu poměr k obsahu slovesného děje, rozdělujeme – téměř v úplné shodě s Trávníčkem – předmět na a) stavový (bít chlapce) – b) obsahový (vidět chlapce) a) látkový (vyprávět o chlapci) – c) cílový (vyprávět chlapci; – podle Trávníčka i vyprávět pohádku, ač podle jeho vlastního výmětu by tu bylo lepší mluvit o předmětu výsledkovém) – d) dotykový a odlukový (chopit se chlapce – vzdát se chlapce; u osob lze oba tyto druhy zahrnout pod předmět stavový) – e) zájmový a vztahový (radí chlapci – podobá se chlapci)*» (Копечný, 1962, s. 213-214).

М. Грепл и П. Карлик для обозначения дополнения пользуются термином *předmět* и определяют его так: «*Předmět je výraz (větný nebo nevětný), který je tvarově řízením určením slovesa nebo adjektiva, nejčastěji dějového. Předmět vždy má povahu valenční pozice svého nadřazeného členu. Tvarová řízenost (rekce) záleží v tom, že nadřazený člen určuje předmětovému výrazu jeho pádovou formu. Proto se na předmět ptáme pádovými otázkami*» (Grepl, Karlík, 1986, s. 285). В определении подчеркивается валентная позиция дополнения и выраженность управления. Авторы классифи-

цируют дополнения в зависимости от того, чем они выражены: *předmět vyjádřený substantivem, předmět vyjádřený vedlejší větou, předmět infinitivní*.

При сравнении подходов русских русистов, чешских русистов и чешских богемистов были выявлены следующие принципиальные отличия.

Чешские богемисты считают, что дополнение может распространять глагол и прилагательное. Чешские русисты полагают, что дополнение может относиться к глаголу, прилагательному и предикативному наречию (предикативу). В русской грамматической традиции дополнение может относиться и к существительному. Это отражается и в используемой терминологии: у чешских синтаксистов отсутствует типология дополнений по тому, какую часть речи они распространяют, а у П. А. Леканта мы встречаемся с терминами *приглагольное, приадъективное и присубстантивное дополнение*, в учебнике М. Кубика и у Г. Флидровой, С. Жажи *приглагольное и приименное дополнение*. В AG-54 представлена подробная классификация типов дополнения в зависимости от части речи, к которой относится дополнение (всего семь типов), но авторы пользуются предтерминами: *дополнения при членах предложения, выраженных наречиями; дополнения при членах предложения, выраженных именами существительными* и пр. Таким образом для русской грамматической традиции свойственна более широкая трактовка дополнения, к дополнениям относятся и случаи распространения существительного (*чтение стихов, распространение газеты, пристрастие к офицерам*), в соответствии с чешской синтаксической традицией эти случаи должны классифицироваться как несогласованное определение. Как отмечает Г. Флидрова: «В русской традиции к этой проблеме подходили с позиции логики, тогда как в чешской традиции подход формальный, т. е. после существительного стоит определение, после глагола – дополнение» (Flídrová, 2012).

Более широкое понимание дополнения как второстепенного члена предложения проявляется и при классификации конструкций, состоящих из глагольной формы и существительного в тв. п. без предлога, например, *мотая головой, взмахнула палками* в AG-54 относятся к дополнению, чешские синтаксисты классифицировали бы данные случаи как обстоятельство орудия и средства (в русской синтаксической традиции данный вид обстоятельства обычно не выделяется).

Наоборот, с более узкой трактовкой в русской синтаксической школе по сравнению с чешской мы сталкиваемся при анализе определений прямого дополнения. В русской традиции прямым дополнением считается дополнение без предлога в вин. п., род. п. допустим после предикативных слов *жаль, жалко*, а также родительный отрицания. В чешской традиции как прямое дополнение классифицируются дополнения в родительном партиципном.

4.3.2 Определение

В *AG-54* представлена следующая дефиниция определения: «Второстепенный член предложения, относящийся к члену предложения – слову с предметным значением (существительному, местоименному существительному, количественному числительному, а также любому субстантивированному слову) и характеризующий называемый этим словом предмет со стороны его качества, признака или свойства, называется определением» (*AG-54*, 1954, s. 522).

Авторы пользуются устоявшейся классификацией определений, выделяют согласованные и несогласованные определения в зависимости от способа сочетания с определяемым словом, причем приложения, как это следует из дефиниции, рассматриваются отдельно: «Согласованные определения выражаются именами прилагательными, местоименными прилагательными, порядковыми числительными и причастиями. Такие определения согласуются с определяемым словом в числе и падеже, а в единственном числе также и в роде. Особый тип представляют собою определения, выражаемые именами существительными (приложения). Несогласованные определения выражаются именами существительными и местоименными существительными в косвенных падежах, прилагательными в сравнительной степени, инфинитивом, наречиями и количественно-именными сочетаниями» (*AG-54*, 1954, s. 522-523).

П. А. Лекант пишет, что «определение – это второстепенный член предложения, который имеет общее значение признака, отвечает на вопросы какой? чей? который? и относится к отдельному члену предложения, выраженному словом с предметным значением» (Lekant, 2001, s. 306).

В дефиниции этого термина автор опирается на значение как определяемого члена предложения, так и на значение слова, к которому относится определяемый член предложения. Данная дефиниция является одной из самых широко цитируемых, в сокращенном виде можем встретить ее в школьных учебниках. П. А. Лекант выделяет согласованные и несогласованные определения: «Согласованные определения выражаются полными именами прилагательными, местоимениями-прилагательными, именами числительными, причастиями. (...) согласованные определения обычно находятся в препозиции к поясняемому слову» (Lekant, 2001, s. 306). Несогласованные определения выражаются именами существительными в форме косвенных падежей (без предлогов и с предлогами), реже наречиями, инфинитивом и нечленимыми сочетаниями слов и находятся в постпозиции к поясняемому слову» (Lekant, 2001, 306–307).

В учебнике *Русский синтаксис в сопоставлении с чешским* находим следующую дефиницию: «Определение – это второстепенный член, распро-

страняющий субстантивные члены предложения. С ними оно находится в атрибутивно-детерминативном отношении, выражая их признак. Определение является неконститутивным, факультативным членом предложения» (Zimek In: Kubík a kol., 1982, s. 70). Интересно, что в отличие от дефиниций других членов предложения здесь не указывается, какой частью речи оно обычно выражается. Авторы выделяют три вида определений: *согласованное определение, несогласованное определение, определение без согласования*. Их характерные черты и различия описываются так: *Согласованное определение уподобляется определяемому слову в роде, числе и падеже и обычно стоит в препозиции. Оно выражается синтаксическим прилагательным (...)* (Zimek In: Kubík a kol., 1982, s. 71).

«Несогласованное определение выражается существительным в косвенном падеже без предлога или с предлогом» (Zimek In: Kubík a kol., 1982, s. 72). «Определением без согласования (с нулевым согласованием) мы считаем определение, выраженное несклоняемым прилагательным (напр.: *платье беж, платье декольте*) или неизменяемыми притяжательными местоимениями третьего лица *его, ее, их* (стоящими в той же позиции, что и согласованные местоименные формы *мой, твой, наш, свой*)» (Zimek In: Kubík a kol., 1982, s. 73). Т. е. типология определений основывается на их формальной выраженности.

Г. Флидрова и С. Жажа понимают определение как «акцессорный член предложения, поясняющий другой член предложения, выраженный синтаксическим существительным (...). Определение поясняет любое синтаксическое существительное независимо от функции этого существительного в предложении» (Flídrová, Žaža, 2005, s. 68).

В зависимости от формальной связи с определяемым словом различаются определения трех типов (...)

А) согласованное определение уподобляется определяемому существительному в роде, числе и падеже и обычно стоит в препозиции (Flídrová, Žaža, 2005, s. 68).

Б) несогласованное определение стоит обычно в постпозиции и выражается беспредложным падежом существительного (род., дат., тв.), разными предложно-падежными формами существительных, наречием, инфинитивом, устойчивым сочетанием (Flídrová, Žaža, 2005, s. 69-70).

В) Определение с невыраженным (нулевым) согласованием. Таким определением считают определение, представленное а) несклоняемым прилагательным, б) неизменяемым притяжательным прилагательным, в) неизменяемой формой компаратива на *-ee, -e, -ше* (и в функции суперлатива) (Flídrová, Žaža, 2005, s. 70).

Классификации определений в учебниках чешских русистов схожи, отличия касаются только несогласованного определения: Р. Зимек

считает несогласованными определениями только существительные в косвенном падеже, Г. Флидрова и С. Жажа расширяют круг несогласованных определений за счет наречий, инфинитивов и устойчивых сочетаний так же, как это делается в анализируемых русских грамматиках и учебниках.

Обратимся к грамматикам чешского языка.

Ф. Копечны приводит следующую дефиницию определения: «*Přívlastek (atribut) je tedy každá přímá determinace „skladebního“ substantiva. To znamená, že rozvíjí substantivum nebo jakékoli substantivizovaný větný člen, tedy i větu vedlejší*» (Кореčný, 1962, s. 193).

Определение может выражаться согласованным существительным (*pašák ředitel, dobrák člověk... neřád hadra, ona je tam také pes křížovatka, svině šachta...*), несогласованным существительным (*slovo socialismus, názvem babička, vyučování ruštině, rána bičem, hovor o počasí, protest proti trestu, jeden z nich, mnoho z těchto pocitů, chaloupka strýčka Toma, krasavice vysoké postavy, trest smrti*), но самым распространенным типом является определение, выраженное прилагательным (*adjektivní přívlastek*). Кроме этого, возможны и другие случаи. Ф. Копечны использует традиционное деление определений на согласованное и несогласованное (*shodný přívlastek / neshodný přívlastek*).

В учебнике М. Грепла и П. Карлика встречаем еще более лаконичное определение: «*Přívlastek je výraz, který přímo rozvíjí syntaktické substantivum v jakékoli větněčlenské platnosti*» (Grepl, Karlík, 1986, s. 260).

Авторы выделяют два типа определений, тип определения зависит от вида подчинительной связи между определением и определяемым словом: «*Přívlastek může být shodný, nebo neshodný. Neshodný přívlastek je buď rekční, nebo přimykající se. Každý z nich se vyjadřuje specifickými prostředky*» (Grepl, Karlík, 1986, s. 271).

Авторы *Mluvnice češtiny* (3) предпочитают использовать термин *atribut*, хотя указывают и эквивалент чешского происхождения: «*Atributy (přívlastky) se nazývají takové skladební členy, které jsou suplementy substantiv nebo některých jiných výrazů zaujímající v skladebné struktuře substantivní pozici. Jinak řečeno za atribut považujeme člen syntagmatu, který je substantivem dominován*» (МČЗ, 1987, s. 126). Авторы акцентируют внимание на том, что определение занимает особое место в системе второстепенных членов предложения: «*Je třeba zdůraznit, že na rozdíl od subjektu, komplementu adverbiale není atribut nikdy členem základových větných struktur, nýbrž jen členem substantivní fráze; do vět vstupuje toliko jako její součást. Tato vázanost na substantivum se projevuje i v slovosledu: postavení atributu ve větě lze vysvětlit především na základě jeho významového vztahu k substantivu, které mu dominuje, a proto se jeho pozice určuje též relativně vzhledem k němu*» (МČЗ, 1987, s. 126).

Авторы выделяют традиционные типы определения (согласованные и несогласованные), но также представляют оригинальную классификацию определений, выделяя следующие типы: *valenční atribut*, *determinační atribut*, *atribut u synkretických výrazů*, *kvantifikační atribut*, *delimitační atribut*.

Подытоживая, можно заметить, что определение стоит особняком в ряду второстепенных членов. Это проявляется в том, что оно всегда входит в состав словосочетания, оно не может относиться ко всему предложению в целом, оно распространяет конкретный член предложения. В чешской традиции член предложения, распространяющий имя существительное, автоматически относится к определениям, этот факт подчеркивается во всех чешских дефинициях. В русской грамматической традиции эта связь между частеречной принадлежностью главного слова и типом члена предложения зависимого слова прослеживается не так четко и явно.

Для обозначения данного члена предложения в русской грамматической традиции используется термин *определение*, этот термин также предпочитают чешские русисты. Чешские богемисты используют как термин *přívlastek*, так и термин *atribut*.

Большинство синтаксистов делят определения на согласованные и несогласованные, но чешские русисты внесли большой вклад в типологическое описание определения. В учебнике под ред. М. Кубика вводится еще одна группа определений – *определение без согласования (определение с нулевым согласованием)*, в которую входят определения, выраженные несклоняемым прилагательным или неизменяемыми притяжательными прилагательными (*plátě bež; ego, ee, ix*). В учебном пособии Г. Флидровой и С. Жажи также выделяется этот тип определения, для его обозначения используется термин *определение с невыраженным согласованием* или *определение с нулевым согласованием*, к этому типу, кроме двух групп, выделенных Р. Зимеком, относятся и определения, выраженные неизменяемой формой компаратива на *-ee, -e, -ше*. В русской грамматической традиции определения, выраженные сравнительной степенью или застывшими формами местоимений *ego, ee, ix*, классифицируются как несогласованные определения. В описываемых русских грамматиках и учебниках не рассматривались примеры несклоняемых прилагательных (*bež, хаки* и пр.).

Конструкции, состоящие из двух существительных, типа *pašák ředitel, dobrák člověk, člověk-perla* и др. в чешской синтаксической традиции считаются согласованными определениями, русские синтаксисты считают это приложением (о приложении подробнее в параграфе 4.3.3).

Отличие обнаруживается и в классификации словосочетаний, состоящих из числительного и имени существительного. В чешской традиции числительное в данных конструкциях выступает в качестве определения,

в русской традиции подобные сочетания считаются неделимыми, поэтому рассматриваются как один член предложения.

В МСЗ представлена особая классификация определений, что отразилось в появлении новых терминов (*atribut kvantitativní, atribut delimitační, valenční atribut, determinační atribut*).

Отдельно стоит рассмотреть приложение.

4.3.3 Приложение

Чаще всего в русских грамматиках и пособиях по синтаксису приложение рассматривается как особый вид определения. Этой традиции следует АГ-54, приложение в ней характеризуется так: «Одной из форм определения является приложение – определение, выраженное именем существительным и согласующееся с определяемым словом в падеже. В тех случаях, когда приложение выражено именем существительным, изменяющимся по числам, имеет место согласование с определяемым словом в числе» (АГ-54, 1954, s. 553).

П. А. Лекант выделяет приложение как отдельный второстепенный член предложения: «Приложение – это второстепенный член предложения, который определяет член предложения, выраженный словом с предметным значением, давая ему другое название. Оно выделяется на базе словосочетаний с соположенными словоформами. В роли приложения выступают имена существительные собственные и нарицательные» (Lekant, 2001, s. 307).

М. Кубик и Р. Зимек пишут: «Приложение – это субстантивное определение, служащее для уточнения определяемого слова, выраженного именем существительным» (Kubík, Zimek In: Kubík a kol., 1982, s. 76).

У Г. Флидровой и С. Жажи находим следующую дефиницию: «Приложение – это согласованное определение, выраженное существительным» (Flídrová, Žaža, 2005, s. 73).

Дефиниции АГ-54 и Г. Флидровой – С. Жажи близки: в них акцентируется частеречная принадлежность и согласование, а в дефинициях П. А. Леканта и М. Кубика – Р. Зимека подчеркивается уточняющая функция приложения.

В чешской синтаксической терминологии мы можем встретиться с двумя терминами для обозначения приложения – *apozice* и *přístavek*. Однако в выбранных нами чешских грамматиках авторы практически не анализируют приложение, хотя во второй половине XX века проблема аппозиции была одной из самых дискутируемых проблем. Детальнее ознакомиться с полемикой можно, например, в статье Зденека Главсы (Hlavsa, 1986).

Как уже отмечалось выше, Ф. Копечны рассматривает члены предложений через призму синтаксических отношений. В параграфе, посвященном аппозиции, рассматривается, скорее, не приложение как второстепенный член предложения, а синтаксические отношения аппозиции.

М. Грелл и П. Карлик не выделяют приложение, случаи, которые в соответствии с русской синтаксической традицией можно было бы классифицировать как приложение, они относят к согласованным определениям, выраженным существительным.

В МСЭ приложение также не выделяется.

Проанализировав примеры, приведенные в анализируемых грамматиках и учебниках, можно сделать вывод, что в русской традиции приложение как член предложения понимается шире, чем в чешской традиции. Термин *apozice*, используемый чешскими синтаксистами, все чаще используется для обозначения особого рода синтаксических отношений, «*vztah široké totožnosti*» в терминологии В. Матезиуса (Mathesius, 1947, s. 303).

4.3.4 Обстоятельство

В АГ-54 обстоятельство определяется так: «Второстепенный член предложения, относящийся к члену предложения, выраженному глаголом, отглагольным существительным, прилагательным или наречием, и служащий для характеристики действия или признака в отношении его качества или интенсивности либо для указания способа совершения действия, времени, места, причины, цели, условия, с которыми связано действие или проявление признака» (АГ-54, 1954, s. 523). Обстоятельства могут быть выражены наречиями, деепричастиями, беспредложными и предложными формами косвенных падежей имен существительных, инфинитивом глагола и неразложимыми фразеологическими словосочетаниями наречного типа. Значение обстоятельств разнообразны: служат для обозначения качественной характеристики действия, состояния или признака, характеристики действия, состояния или признака по способу его совершения или проявления (пространственной, временной, количественной), а также по тем сопровождающим условиям, которыми действие, состояние, признак вызывается или определяется (указание на причину, цель, условие).

Следуя традиции, авторы выделяют семь разных типов обстоятельств в зависимости от выражаемого значения: обстоятельства образа действия, обстоятельства места, обстоятельства времени, обстоятельства меры, обстоятельства причины, обстоятельства цели, обстоятельства условия.

П. А. Лекант приводит такое определение: «Обстоятельство – это второстепенный член предложения, который имеет общее значение при-

знака действия или признака признака и может относиться как к члену предложения, выраженному словом со значением действия, состояния или признака, так и к основе предложения в целом. Обстоятельства выражаются наречиями, деепричастиями и формами косвенных падежей имени существительного. По значению выделяются обстоятельства образа действия, меры и степени, места, времени, причины, цели, условия, уступки, сопутствующей характеристики. По отнесенности к поясняемому элементу предложения обстоятельства делятся на присловные и присоставные (детерминирующие). Одни обстоятельства могут быть только присловными, другие – присловными и присоставными» (Lekant, 2001, s. 309).

П. Адамец (Adamec In: Kubík a kol., 1982) пишет, что «Обстоятельством принято называть член предложения, синтаксически зависящий от предиката (т. е. сказуемого или единого главного члена), определения или другого обстоятельства, выраженный наречием, косвенно-падежной или предложно-падежной формой существительного, и выражающий различные адвербиальные значения (место, время, причину, образ действия и др.)» (Adamec In: Kubík a kol., 1982, s. 61). В учебнике подчеркивается неоднородность обстоятельства как синтаксической категории и предлагается четыре разные классификации обстоятельств по разным критериям: 1) по тому, к какому члену предложения относится обстоятельство, 2) по морфологическому выражению обстоятельства, 3) по тому, в каком отношении находится информация, приносимая обстоятельством, к информации, выражаемой предикатом, 4) по семантике. Более важными для нас являются вторая, третья и четвертая классификация, рассмотрим их подробнее.

Несмотря на то, что вторая классификация основывается на морфологическом критерии, авторы учитывают и семантику зависимой формы, что позволяет разграничить косвенные дополнения и обстоятельства. В зависимости от морфологического выражения выделяются:

- 1) обстоятельства, выраженные наречием *Он работает хорошо;*
- 2) обстоятельства, выраженные косвенно-падежной формой существительного (или местоимения) *Ранним утром мы отправились в дорогу;*
- 3) обстоятельства, выраженные предложно-падежной формой существительного (или местоимения) *В нашем городе открыт новый стадион. Я уважаю его за принципиальность.*

Авторы в примечании замечают, что «обстоятельства второго и третьего типа по морфологическому оформлению не отличаются от косвенных дополнений, главная разница между косвенным дополнением и субстантивным обстоятельством заключается в семантической области:

дополнения имеют предметную, субстанциональную семантику, а обстоятельства – адвербиальную. Критерием для различения указанных членов предложения может послужить возможность или невозможность ненасильственной субституции данного компонента местоименным наречием, напр., *там, тогда, так, поэтому* (...) или аналитическим эквивалентом местоименного наречия, напр., *в это время, с тех пор, до тех пор* (...). Ср. *Мы сосредоточились на одном вопросе // Мы собрались на нашем факультете.* (...) Конечно, и после такого разграничения, остается определенная зона промежуточных случаев, которые нельзя однозначно отнести ни к дополнениям, ни к обстоятельствам, напр., *Он смотрел на стену* (...). Другим критерием является степень тесноты синтаксической связи между предикатом и данным членом и степень семантической самостоятельности зависимого члена. Обстоятельство, как правило, связано с предикатом менее тесной синтаксической связью и является семантически более автономным, что проявляется, помимо прочего, в том, что изолированные обстоятельства сохраняют смысл, могут быть употреблены, например, в качестве заголовков: *На нашем факультете. Ранним утром*» (Adamec In: Kubík a kol., 1982, s. 62-63). Это ценное замечание помогает более четко и однозначно определить тип второстепенного члена предложения.

Классификация, базирующаяся на том, в каком взаимном отношении находится информация, приносимая обстоятельством, к информации, выражаемой предикатом, делит обстоятельства на три группы. В основе классификации лежит конститутивность обстоятельства. Авторы рассматривают:

- комплетивные обстоятельства, которые вытекают из валентности предиката и дополняют его значение; без них предложение или вообще потеряло бы смысл, напр.: *На этой улице находится музей. Все бросились к окну.* (...) Ты вел себя *неосторожно* и т. п., или предложение производило бы впечатление семантической неполноты, напр.: *На столе стояла ваза* (...) Он родился *еще до войны*;
- ситуативные обстоятельства, которые не вытекают из валентности предиката, являются семантически автономными и вносят в предложение новую информацию о внешней ситуации, в которой совершается данный факт (указания на место, время, причину, цель, условие, уступку и нек. др.), напр.: *За нашим домом мальчики играли в футбол. Неделю тому назад я сдал последний экзамен*;
- атрибутивные обстоятельства, которые, так же как ситуативные, не являются структурно необходимыми конститутивными компонентами предложений и не вытекают из валентности предиката, но имеют другую семантическую функцию: они придают качественную или количественную характеристику действию, состоя-

нию или признаку, выраженному предикатом. По этой своей функции они параллельны определениям: определения представляют собой атрибуты субстанций, а атрибутивные обстоятельства являются атрибутами признаков в широком смысле. *Он хороший игрок! // Он хорошо играет. В соседней комнате слышался громкий говор. Слышалось, как в соседней комнате громко говорили.*

Самым распространенным способом классификации обстоятельств является классификация по семантике. П. Адамец (Adamec In: Kubík a kol., 1982) выделяет 15 типов обстоятельств:

- 1) обстоятельства места
- 2) обстоятельства направления
- 3) обстоятельства исходного пункта
- 4) обстоятельства трассы
- 5) обстоятельства времени
- 6) обстоятельства временной продолжительности
- 7) обстоятельства образа действия
- 8) обстоятельства меры и степени
- 9) обстоятельства орудия и средства
- 10) обстоятельства причины и обоснования
- 11) обстоятельства цели
- 12) обстоятельства условия
- 13) обстоятельства уступки
- 14) обстоятельства сопутствующей деятельности
- 15) обстоятельства ограничения (Adamec In: Kubík a kol., 1982, s. 66).

Первые классификации позволяют более глубоко и разносторонне проанализировать обстоятельства. Последняя из рассмотренных классификаций, по сути, является традиционной, но она отличается детальностью и проработанностью, с ее помощью вводятся в научный обиход новые термины для обозначения видов обстоятельств (например, *обстоятельство исходного пункта, обстоятельства сопутствующей деятельности*).

Невероятно детализированная классификация обстоятельств представлена в *Русской грамматике-2* (Barnetová, Běličová-Křížková a kol.). Авторы грамматики оперируют термином *факультативный детерминант* для обозначения распространяющих членов предложения (в традиционной терминологии – *второстепенных членов предложения*), обстоятельства в традиционном понимании рассматриваются как *факультативные детерминанты в рамках сказуемого состава*. Классификация факультативных детерминантов в рамках сказуемого состава отличается многоуровневостью и разветвленностью: выделяется семь основных видов, внутри которых выделяются типы, а иногда и подтипы. Для наименований конкретных видов, типов, подтипов используются номены и предтермины,

напр., *AdvLoc, AdvDir, AdvTemp, AdvLoc*, локализирующие в пределах пространственного ориентира, *AdvTemp*, локализирующие за пределами временного ориентира и пр. Для наименования типов и подтипов используются устоявшиеся латинские аббревиатуры и описательные названия, когда само наименование служит одновременно и дефиницией. Типы и подтипы обстоятельств выделяются на основании выражаемого ими значения, причем авторы различают мельчайшие оттенки значений.

В учебном пособии Г. Флидровой и С. Жажи обстоятельство определяется как «член предложения, поясняющий предикат или другой член предложения – определение, другое обстоятельство. Обстоятельство выражается синтаксическим наречием (морфологическим наречием, косвенно-падежной формой существительного, инфинитивом, деепричастным оборотом)». Классификации обстоятельств сходны с классификациями, представленными в учебнике под редакцией М. Кубика.

В зависимости от степени связи обстоятельства с предикатом авторы выделяют не три, а два типа обстоятельств:

- а) комплетивные обстоятельства, которые являются обязательным восполнением предиката, конститутивным элементом предложения;
- б) ситуативные обстоятельства, которые не являются обязательным восполнением предиката, а служат лишь фоном, на котором развивается действие предложения.

Семантическая классификация обстоятельств также отличается детализацией и подробностью, в дополнение к типам, выделенным в учебнике М. Кубика, здесь также выделяются следующие особые подтипы: *обстоятельства пространственной локализации, обстоятельства временного ориентира*. Вместо термина М. Кубика / П. Адамеца *обстоятельства сопутствующей деятельности* авторы используют термин *обстоятельства сопутствующего действия*. Вся классификация выглядит так:

- 1) Обстоятельства места
 - обстоятельства пространственной локализации
 - обстоятельства направления
 - обстоятельства трассы
- 2) Обстоятельства времени
 - обстоятельства временного ориентира
 - обстоятельства временной продолжительности
- 3) Обстоятельства образа действия
- 4) Обстоятельства меры и степени
- 5) Обстоятельства орудия и средства
- 6) Обстоятельства причины и обоснования
- 7) Обстоятельства цели

- 8) Обстоятельства условия
- 9) Обстоятельства уступки
- 10) Обстоятельства сопутствующего действия
- 11) Обстоятельства ограничения (Flídrová, Žaža, 2005, s. 59-64).

Ф. Копечны определяет обстоятельства так: «Příslovečné určení (adverbiale) je to ne vazebné doplnění nebo určení slovesa nebo adjektiva, popř. celého přísudku» (Копечный, 1962, s. 229).

Ф. Копечны также пользуется термином *adverbiální určení*. Он выделяет *inherentní určení* или *určení způsobu* (*rychle nebo jasně mluvit, hezky psát, jít pomalu...*), которые определяют качество или интенсивность глагольного действия или прилагательного, и *relační určení* – все остальные типы, которые характеризуют остальные признаки (место, происхождение и др.), также называемые *určení vnějších okolností*. Для школьных учебников и грамматик он предлагает следующую классификацию обстоятельств, в которой выделяет три основных типа, в каждом из которых есть свои подтипы: 1) *určení způsobová* (*vlastního způsobu a intenzivity, určení míry a omezení, určení účinku a výsledku, určení prostředku (nástroje), určení průvodních okolností, určení zřetele, určení původu (látky), určení činného původce*); 2) *určení příčinná* (*určení důvodu a důsledku, určení účelu, určení podmínky, určení přípustky*); 3) *určení časoprostorová* (*určení místa, určení času*).

М. Грепли и П. Карлик приводят следующую дефиницию обстоятельства: «Příslovečné určení (adverbiale) je výraz (nevětný nebo větný) představující tvarově neřízené doplnění slovesa nebo adjektiva v jakékoli větněčlenské platnosti. Vyjadřuje okolnosti místní, časové, způsobové a příčinné. Proto se na tento větný člen neptáme pádovými otázkami, nýbrž otázkami typu kde? kdy? jak? proč? za jakým účelem? z jaké příčiny? za jaké podmínky? apod.» (Grepl, Karlík, 1986, s. 281).

Они выделяют несколько видов обстоятельств, некоторые виды делятся на типы, мы назовем лишь основные: *příslovečné určení místní, příslovečné určení času, příslovečné určení způsobová, příslovečné určení zřetele*.

В целом определение обстоятельств русистами и богемистами имеет много общих черт: подчеркивается, что обстоятельство обычно распространяет глаголы, наречия, прилагательные; может быть выражено наречием, косвенными падежами имени существительного, деепричастием или инфинитивом; акцентируется разнородность обстоятельств с точки зрения выражаемого значения, что отражается в терминологии. Микросистемы терминов с базовым термином *Обстоятельство* могут содержать до 30 терминов. Особенно показательны в этом плане работы чешских русистов, в них представлена детальная классификация типов обстоятельства по выражаемому значению, авторы используют русские термины, не характерные для русской синтаксической традиции, напр.,

обстоятельства сопутствующего действия, обстоятельства трассы, обстоятельства временной продолжительности, обстоятельства орудия и средства и т. д.

Сложности вызывают обстоятельства, выраженные косвенными падежами существительного. Этот вопрос детально рассматривает В. Словак (2018). «Дополнение и обстоятельство обладают двумя сходными признаками – оба развивают глагол или прилагательное, оба могут быть выражены падежной формой существительного в широком смысле. Отличительным признаком является их семантика – выражают ли они объектное или обстоятельственное отношение, но отличить их друг от друга – задача нелегкая. В поисках границы между дополнениями и обстоятельствами лингвисты приходят к выводу, что такая граница расплывчата» (Slovák, 2018, s. 32). Об этом писал и В. В. Виноградов: «Что же касается второстепенных членов предложения, выраженных косвенными падежами существительных и местоименных существительных без предлога и с предлогами, то они могут выступать в роли и определений, и дополнений, и обстоятельств» (AG-54, 1954, s. 523). Т. е. расплывчатость границ объясняется многозначностью падежных форм синтаксических существительных.

4.4 Члены предложения, выделяемые отдельными авторами

Кроме общепринятых пяти членов предложения некоторые синтаксисты выделяют «новые» дополнительные члены предложения. Как правило, эти новые члены предложения вводятся для более точной классификации синкретичных синтаксических явлений. Р. Мразек в статье *Синтаксические отношения и члены предложения* (1961) так мотивирует выделение новых членов предложения: «Современная русская синтаксическая наука различает следующие второстепенные члены: дополнение, определение (с приложением) и обстоятельство. В чешских грамматиках, кроме того, в качестве самостоятельного второстепенного члена выделяется – на наш взгляд, вполне справедливо – сказуемое определение (*doplňek*, предикативный детерминант). В пределах детерминации дополнение выражает объектные отношения, определение – атрибутивные отношения, обстоятельство – обстоятельственные отношения, в пределах же предикативной детерминации предикативный детерминант выражает предикативно-детерминативные отношения (...). Встает, однако, вопрос о том, все ли реально имеющиеся, напр. в русском языке, специфические общие разряды синтаксических отношений охвачены в указанных категориях второстепенных членов? Нам кажется, что нет. Нужно выделить

(из широкой области дополнения, а частью также обстоятельства) в качестве особого члена один „новый“ член, который мог бы обозначаться, скажем, термином субъектное дополнение (*subjektové určení, podmětové určení*). В нем находят свое отражение отношения косвенного субъекта к действию или состоянию, т. е. отношения субъектно-детерминирующие» (Mgázek, 1961, s. 49).

Количество и описание «новых» членов предложения зависит от авторской концепции. Например, в МСЭ, наряду с такими членами предложения, как *subjekt, příslovečné určení, atribut*, выделяется еще *komplement (doplnění)*. Однако проанализировав определение, становится ясно, что речь идет не о члене предложения в традиционном понимании, а о валентной позиции: «Komplementem rozumíme každou jinou než subjektovou valenční pozici vyžadovanou verbem finitem (predikativ tu za valenční pozici nepokládáme). Je několikerého druhu, a to jednak po stránce výrazové, jednak významové» (МСЭ, 1987, s. 50).

Г. Флидрова (2016) отмечает: «Пражский русист П. Адамец (ADAMEC 1968) в рамках анализа системы членов предложения в русском языке суживает объем термина обстоятельство. Из обстоятельства места он выделяет в качестве особого члена предложения так наз. адъект (добавление), который обозначает направление, цель и место, однако, в отличие от традиционного обстоятельства места, он вытекает из валентности предиката, что приближает его к дополнению (напр.: *Дети идут в школу. Сестра подошла к окну. Универмаг находится на площади*). Ср.: *Универмаг находится на площади* – адъект × *На площади рабочие отремонтировали дома* – обстоятельство места. Кроме того, П. Адамец считает особым членом предложения также так наз. квалификант (уточнение), т. е. традиционное обстоятельство образа действия, меры и степени, дающее качественную или количественную характеристику предиката» (Flídrová, 2016, s. 71).

Рассмотрим встретившиеся нам «новые» члены предложения на материале выбранных источников.

4.4.1 Семантический субъект (субъектное дополнение, косвенный субъект)

Особое положение в ряду членов предложения занимает так называемый семантический субъект. Это член предложения, имеющий особое положение между главными и второстепенными членами предложения. Он совмещает в себе признаки подлежащего и дополнения (или обстоятельства), служит для выражения субъекта действия, но субъект выражается косвенным падежом синтаксического существительного или наречием. В. Словак (2018) анализирует семантический субъект как синкретичный

член предложения и иллюстрирует русскими и чешскими примерами: *Тебе еще заниматься. Его здесь нет. Водой сорвало мост. Памятник охраняется государством. Меня трясет. У меня болит голова. Вокруг засмеялись. Vyschlo jí v krku. Bylo nás pět. Byl jsem pokárán učitelem. V tu chvíli mě zamrazilo. Je to se mnou špatné. Doma se mě na to neptali.*» (Slovák, 2018, s. 31). Особенность этого члена предложения в том, что «субъект выражается не именительным, а косвенным падежом (реже наречием), вследствие чего, учитывая семантическую и формальную стороны, его нельзя считать ни подлежащим, ни дополнением, ни обстоятельством, ни каким-либо другим членом предложения. Значение субъекта действия или состояния типично для подлежащего, но позиция в предложении и формальное выражение соответствуют второстепенным членам предложения – дополнению или обстоятельству. Следовательно, семантическая и формальная стороны не соответствуют друг другу (Slovák, 2018, s. 31-32). Р. Мразек предлагает подобные члены предложения называть *субъектным дополнением* (subjektové určení, podmětové určení, subjektivý determinant) (Mrázek, 1961).

Описывая субъектное дополнение, Мразек выделяет следующие характерные черты: «1. Он обозначает субъект действия или состояния, т. е. субъектно детерминирующее отношение к какому-либо действию или состоянию; поэтому ему часто соответствует позиция подлежащего в близких по содержанию конструкциях. 2. Он не допускает квалифицироваться ни как обстоятельство, потому что не выражает обстоятельственных отношений, ни как объект (дополнение, или же точнее: объектное дополнение), потому что не выражает объектных отношений. 3. С формальной точки зрения он находится более или менее четко в пределах формальной обусловленности; эта обусловленность иногда вызывается не только одним господствующим членом, а скорее характером данной конструкции в целом (конструктивная обусловленность). 4. В нем может происходить нейтрализация качества отношений (объектно-субъектных, субъектно-обстоятельственных) и направления этих отношений» (Mrázek, 1961, s. 45-46). Субъектное дополнение выражается дат. п. в односоставных предложениях (*Позвонить мне ему?, Тебе ехать, Мне неловко, Тебе нельзя молчать, Мне не спится*), род. п. (*Его здесь нет, Нас три, Их было пятеро*) и тв. п. (*Ветром относит голос, Письмо написано мною*).

В учебнике под редакцией М. Кубика данный член предложения называется косвенным субъектом; отмечается, что с функциональной точки зрения его можно было бы отнести к главным членам предложения. «Однако, по формальному признаку этот член традиционно относится к второстепенным» (Adamec In: Kubík a kol., 1982, s. 35). По П. Адамецу, этот член предложения выделяется только в односоставных предложениях: «Среди компонентов односоставных предложений встречаются такие,

которые формой косвенного падежа обозначают семантический субъект действия, процесса или состояния, выраженного единым главным членом. *Мальчику не спалось. Девочке было жаль собаку*» (Adamec In: Kubík a kol., 1982, s. 52).

Особенность этого члена предложения заключается в том, что по форме он совпадает с дополнением, но функционально выполняет роль подлежащего в двусоставном предложении. Чаще всего косвенный субъект односоставного предложения имеет форму дательного или родительного падежа.

В учебнике Г. Флидровой и С. Жажи данный член предложения называется семантический субъект – «лицо или предмет, конкретный или абстрактный, являющийся предметом любого высказывания, чаще всего каузатором (производителем) действия или носителем состояния» (Flídrová, Žaža, 2005, s. 46). По мнению авторов, он может выделяться в двусоставных и односоставных предложениях, может совпадать с подлежащим, но в ряде случаев «семантический субъект отличается от формально выраженного подлежащего» (Flídrová, Žaža, 2005, s. 46). Семантический субъект может выражаться тв. п., дат. п., наречием или косв. п. с предлогом или без и пр. Проиллюстрируем авторскими примерами: *В. В. Виноградовым была опубликована замечательная книга. Снегом замело дорогу. Мне вспомнилась интересная история. На улице холодно. У отца есть машина.*

Как мы видим, в учебнике под редакцией М. Кубика данный член предложения понимается более узко, у Р. Мразека, Г. Флидровой и С. Жажи семантический субъект можно выделить и в двусоставном предложении, кроме форм родительного и дательного падежей, он также может выражаться формами творительного падежа и наречиями. В анализируемых нами работах русских русистов и чешских богемистов данный член предложения не выделялся. При синтаксическом анализе в русской грамматической традиции данные члены предложения определяются как косвенные дополнения или обстоятельства.

4.4.2 Дуплексив (сказуемое определение, предикативный детерминант)

Дуплексив также можно рассматривать как синкретичный член предложения, его синкретичность заключается в двойной связи, дуплексив относится и к сказуемому, и в то же время к подлежащему (к косвенному субъекту) или к дополнению.

П. Адамец (Adamec In: Kubík a kol., 1982, s. 78) пишет: Термином «дуплексив» мы будем обозначать тот член предложения, который в чешской синтаксической традиции принято называть *doplňěk*.

Отличительной чертой дуплексива является то, что он находится в двойной синтаксической связи: он относится к сказуемому (к единственному главному члену) (Adamec In: Kubík a kol., 1982, s. 78).

С точки зрения тесноты связи с предикатом можно различать две разновидности дуплексивов:

Необособленный дуплексив, тесно включенный в структуру предложения, напр.: *Афоня Курок уходил недовольный. Аня обыкновенно вставала из-за стола голодной (...)* (Adamec In: Kubík a kol., 1982, s. 78).

Обособленный дуплексив, выделяемый на письме запятыми, а в устной речи – паузами и интонацией, имеющий характер т. наз. полупредикативной конструкции, напр.: *непривычно тихая, Надя проводила их до дверей.* (Adamec In: Kubík a kol., 1982, s. 79).

Семантически дуплексив обозначает признак субъекта или объекта, который актуален во время реализации содержания предиката (Adamec In: Kubík a kol., 1982, s. 79).

В учебном пособии *Синтаксис русского языка в сопоставлении с чешским* среди членов предложения также представлен дуплексив, авторы понимают его так же, как и в учебнике под редакцией М. Кубика: «Термином дуплексив обозначается тот член предложения, который в чешской грамматической традиции принято называть чаще всего *doplňěk*» (Flídrová, Žaža, 2005, s. 74), классификации дуплексива у анализируемых чешских русистов совпадают. В учебнике Я. Светлика *Синтаксис русского языка в сопоставлении с словацким* (1970) также выделяется дуплексив как особый член предложения, для его обозначения автор пользуется терминами *предикативный атрибут*, *присказуемое* и их словацким эквивалентом *doplňok*. Он трактуется традиционным для чешской и словацкой синтаксической традиции образом, причем делается особый акцент на предикативно-детерминативный характер синтаксических отношений: «Предикативный атрибут – это второстепенный предикативно-детерминативный член предложения, отличающийся одновременной двойной грамматической (синтаксической) и семантической (смысловой) соотнесенностью с двумя членами предложения» (Svetlík, 1970, s. 225).

Надо отметить, что изначально термин *дуплексив* появился в работах Л. Д. Чесноковой (она понимала дуплексив шире, чем принято в чешской синтаксической традиции), именно этот термин выбрали чешские русисты в качестве эквивалента термина *doplňěk*.

Чешские синтаксисты для обозначения этого члена предложения пользуются термином *doplňěk*, который ввел в научный обиход Я. Гебауер.

Ф. Копечны достаточно подробно описывает дуплексив, он пользуется термином *doplňěk*. Он указывает, что в чешской грамматической традиции выделяется два вида дуплексива: *doplňěk tzv. doplňující* и *doplňěk určující*.

Nás se zde týká ten první, doplněk doplňující, tj. přísudkové jméno (substantivum nebo adjektivum) po sponovém slovese. Bylo by možno vystačit s termínem přísudkové jméno, jmenný přísudek, ale starší termín doplněk je tu pro příslušné jméno vhodný, protože může zůstat i pro případy, kdy se přísudkový výraz stal jiným členem věty (...) (Kopečný, 1962, s. 177).

Doplněk určující je zvláštní druh určení. Je to komplexní určení; je to totiž přívlastek, vztažený pod sloveso (nebo přes adjektivum). (...) Nazývám ho na svém místě doplňkovým určením: stál tam smutný a hladový, Magda přišla do města mladá a nezkušená (...) (Kopečný, 1962, s. 178).

М. Грепл и П. Карлик также выделяют дуплексив: Doplněk je výraz, který je syntakticky závislý jak na substantivu v jakékoli jeho větněčlenské platnosti, tak na slovesu. Má proto mezi větnými členy postavení zvláštní: vztahuje se nikoli k jednomu větnému členu, nýbrž ke dvěma členům zároveň. Určuje jednak substantivum, a v tom se shoduje s přívlastkem, jednak přísudek, a tím má blízko k příslovečnému určení způsobu (Grepl, Karlík, 1986, s. 306-307).

Авторы МСЭ не работают с понятием дуплексива. Примеры, которые могли бы быть классифицированы как дуплексив, рассматриваются в ней как особый вид обстоятельств – *příslovečné určení komitativní*.

В русской грамматической традиции обычно дуплексив не выделяется самостоятельным членом предложения, а считается частью составного именного сказуемого. В NESČ отмечается, что в новейших чешских грамматиках проявляется тенденция отказываться от выделения дуплексива как самостоятельного члена предложения. В русских грамматиках, выбранных для анализа, термин дуплексив отсутствует, в *Словаре лингвистических терминов* О. С. Ахмановой и в ЛЭС словарной статьи с заглавным словом «дуплексив» также нет.

4.5 Выводы

У синтаксистов представлен разный подход к описанию членов предложения. В. В. Виноградов, П. А. Лекант, М. Кубик, Г. Флидрова выделяют главные и второстепенные члены предложения, потом последовательно их рассматривают. Ф. Копечны рассматривает члены предложения через призму отношений, которые их связывают. Подлежащее и сказуемое он описывает в главе *Predikační vztah*, определение в главе *Determinační vztah*, дополнение и обстоятельство в главе *Jiné vztahy* и т. д. В грамматике МСЭ предикат рассматривается отдельно, а все остальные члены предложения рассматриваются в главе *Větné členy*.

Деление членов предложения на главные и второстепенные – это результат взгляда на строение предложения как на иерархическое постро-

ение. Члены предложения подчиняют себе другие и сами в свою очередь могут подчиняться другим членам предложения. В основу классификации членов предложения синтаксисты кладут разные критерии, что обуславливается сложностью членов предложения, многообразием их структурных, семантических, коммуникативных функций. Разнообразие критериев, в свою очередь, приводит к отсутствию четких границ между членами предложения, появляются синкретичные члены предложения, сочетающие в себе признаки нескольких членов предложения (напр., дуплексив, семантический субъект).

В рассматриваемых нами синтаксических работах чешских авторов (как русистов, так и богемистов) термины, обозначающие второстепенные члены предложения, могут использоваться не только применительно к конкретным словам в простом предложении, но и к придаточным предложениям в составе сложного. Для русской синтаксической традиции такой подход не типичен.

Обнаружены отличия и расхождения в понимании всех членов предложения. К важнейшим из них можно отнести:

- более широкое понимание подлежащего чешскими русистами, они выделяют подлежащее не только в именительном, но и в родительном падеже;
- выделение и классификация единого главного члена предложения;
- выделение в чешской синтаксической традиции членов предложения, не типичных для русской синтаксической традиции (дуплексив вместо именной части составного именного сказуемого, семантический субъект вместо некоторых косвенных дополнений и обстоятельств);
- выделение в чешской синтаксической традиции большего (по сравнению с русской) количества типов обстоятельств;
- формальный подход при выделении определения в чешской синтаксической традиции (член предложения, распространяющий существительное, – определение) в отличие от русской синтаксической традиции, учитывающей логический аспект), следствием этого можно считать несовпадение в определении типа члена предложения в следующих конструкциях *потеря коня, тревога за сына, мысль о встрече* (для русских синтаксистов представленные примеры – дополнение, для чешских русистов (и богемистов) – несогласованное определение).

В работах чешских синтаксистов (и русистов, и богемистов) отчетливо проявляется синонимия. С терминами-синонимами мы можем встретиться при наименовании устоявшихся членов предложения (*дополнение*

– *объект, определение – атрибут, příslovečné určení – adverbiale*) и при выделении новых членов предложения (напр., *doplňěk – predikativní atribut, семантический субъект – косвенное дополнение*). По-видимому, у устоявшихся терминов синонимия – дань сложившейся национальной традиции, а у новых терминов – попытка выбрать наиболее точный подходящий термин.

Синтаксическую школу чешских русистов отличает детальный анализ и внимание к деталям, именно в работах чешских русистов представлены самые развернутые и подробные классификации (*обстоятельство, определение, единый главный член*), что формально влияет на количественный состав микротерминосистем.